

ЗАЛОГ ТРЕБОВАНИЯ В СИЛУ АРЕСТА В ПРАВЕ РОССИИ И ФРАНЦИИ

PLEDGE OF OBLIGATIONS BY COURT ORDER IN RUSSIAN AND FRENCH LAW

R. Khatmulina

Summary. The article is devoted to the study of issues related with the Pledge of obligations by Court Order Emergence and Evolution Causes in French law: Insufficient Judgments' Enforcement problem, search of the efficient means for its solution, securing creditors' equality principle in chargor's bankruptcy. The author demonstrates conjoint interpretation of Point 5 article 334 and Point 2 article 358.6 of the Russian Civil Code gives the same conclusion. To harmonize of Pledge of obligations by Court Order with the chargor creditors' equality principle under bankruptcy the author justifies the means to protect other creditors' rights are contesting of court's obligations attachment decision or Non-Application by Court of bailiff's obligations attachment decision as illegal act of a state body (paragraph 13 article 12 of the Russian Civil Code) in the resolution of disputes between the chargor creditors' and Insolvency official.

Keywords: Pledge of obligations by Court Order, bankruptcy.

Хатмулина Римма Ринатовна

Ассистент, ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева»;

Главный юрист по общеправовым вопросам,

АО «ПО «УОМЗ»

r.hatmulina@mail.ru

Аннотация. В статье исследуются причины возникновения и эволюции залога требования в силу ареста во французском праве: проблема неудовлетворительного исполнения судебных решений, выбор эффективного правового инструмента для решения указанной проблемы, обеспечение принципа равенства кредиторов залогодателя в случае его несостоятельности. Автор демонстрирует, что аналогичный вывод можно сделать в отношении российского залога требования в силу ареста при системном толковании п. 5 ст. 334 и п. 2 ст. 358.6 ГК РФ. В целях гармонизации залога требования в силу ареста с принципом равенства кредиторов залогодателя в ситуации несостоятельности обосновывается применение заинтересованными лицами таких способов защиты, как обжалование определения суда о наложении ареста на требование либо при рассмотрении судом разногласий между конкурсными кредиторами и арбитражным управляющим неприменение судом постановления судебного пристава-исполнителя о наложении ареста как акта государственного органа, противоречащего закону (абз. 13 ст. 12 ГК РФ).

Ключевые слова: залог требования в силу ареста, банкротство.

В рамках существующей в российском праве дискуссии о востребованности залога в силу ареста, принимая во внимание, что Франция относится к числу правопорядков, где такой залог признан *de lege lata*, представляется полезным исследование причин и оснований, обусловивших такое решение со стороны французской юриспруденции применительно к залогу требования.

В России позитивным основанием для утверждения о появлении в ГК РФ нового основания возникновения залога явилось положение его нового п. 5 ст. 334, вызвавшее очевидный вопрос, возникает ли у кредитора в случае наложения запрета на распоряжение имуществом должника право залога на указанное имущество? В рамках возникшей по этому вопросу полемики в научной среде обсуждается как принципиальная допустимость самой конструкции залога в силу ареста, так и утверждение, что именно о нем идет речь в п. 5 ст. 334 ГК РФ. Палитра оценок п. 5 ст. 334 ГК РФ от положительных до резко критических представлена А.В. Егоровым [5, с. 84].

В историческом аспекте судить об отношении к самой идее залога в силу ареста, в частности, дореволюционных отечественных цивилистов достаточно сложно, по-

скольку самая распространенная позиция о том, что «это ... не залог, потому что не дает лицу, по просьбе которого налагается арест, никакого преимущественного права перед другими верителями» [3, с. 210–211; 13, с. 316–319; 18, с. 251], как правило, представляет собой комментарий действовавшего тогда закона, который предложения, где рядом стоят слова «запрет на распоряжение имуществом» и «права и обязанности залогодержателя», в принципе, не содержал. В условиях же современного законодательства, напротив, например, Верховный Суд РФ даже при его явно отрицательном отношении к этому виду залога, не имея возможности проигнорировать п. 5 ст. 334 ГК РФ, занял промежуточную позицию, отказав в признании прав залогодержателя только в ситуации несостоятельности (банкротства) должника (Определение Верховного Суда РФ от 27.02.2017 № 301-ЭС16-16279 по делу № А11-9381/2015).

В отличие от неоднозначного положения залога требования в силу ареста в российском праве французское право не только выступает примером правопорядка, где такой залог признается со стороны законодательства (в ст. 2355 ФГК прямо указано, что залог бестелесного движимого имущества устанавливается на основании договора или судебного акта (*nantissement judiciaire*)),

судебной практики, доктрины, эффективно встроен в систему способов обеспечения обязательств, что соответствует общей тенденции современного европейского права (ст. IX.-4:107 DCFR), но, и что более важно в сравнительно-правовом аспекте, наглядно демонстрирует иной ракурс вопроса, который, по существу, заключается не в том, залог ли это? а в том, предоставлять ли вообще кредитору, получившему исполнительный лист, определенное преимущество на удовлетворение его требования за счет, в частности, обязательственных прав должника, по сравнению с другими кредиторами, в том числе в ситуации банкротства должника? и если да, то при каких условиях?

Представляется, что ответы французского права на обозначенные вопросы и современный подход к судебному залоговому требованию сформировались в силу следующих трех предпосылок, которые видится логичным исследовать в рамках сопоставления с позицией и аргументами противников судебного залога в российском праве, в частности, Верховного Суда РФ, отказывающему такому залоговому требованию при открытии в отношении должника процедуры несостоятельности (банкротства).

Первая предпосылка касается причины возникновения и обоснования судебного залога требования. В этом плане можно констатировать, что Франция пришла к законодательному закреплению судебного залога требования в результате реформы исполнительного права 1991 г., вызванной неудовлетворительным правовым регулированием отношений по исполнению судебных решений (Закон от 09.07.1991 г. № 91-650 о реформе гражданских процедур исполнения (Loi n° 91-650 du 9 juillet 1991 portant réforme des procédures civiles d'exécution)), то есть проблемы, как видится, актуальной и для российского правопорядка. С указанной позиции судебный залог требования предоставляет возможность использовать ценность требования в качестве объекта притязаний не только кредиторам, которые в силу своего статуса смогли получить обеспечение своего обязательства в виде залога, но и незалоговым кредиторам, к числу которых относятся так называемые недобровольные кредиторы, которые по объективным причинам не имели возможности получить обеспечение в виде залога на основании договора.

Ввиду обозначенного обстоятельства одна из основных целей реформы заключалась в укреплении силы исполнительного листа, подразумевавшем, что «кредитор, получивший такой документ, должен получить то, что ему причитается, быстро и реально» [3, с. 29], иными словами, вопрос был связан не просто с обеспечением обязательства должника, а уже с его непосредственным исполнением. Как результат, внимание французского законодателя обратилось, в первую очередь, к такому ликвидному виду имущества должника, как денежное требование к третьему лицу.

Вторая предпосылка связана непосредственно с выбором правового инструмента. Закрепленная в ФГК на тот период времени архаичная модель залога требования (ст. 2075, 2076) помочь достижению поставленной цели не могла. Поэтому авторы реформы исполнительного права подошли к своей задаче с практической точки зрения: установили специальные необходимые правовые последствия для ареста денежного требования должника. По словам M. Donnier и J.B. Donner, «в авангарде» [4, с. 326] реформы была замена ареста денежного требования должника к третьему лицу как простого запрета им распоряжаться (*saisie-arrêt*) на арест денежного требования должника в порядке его присвоения кредитором (*saisie-attribution*), который некоторыми авторами определяется в контексте исполнительного права как способ исполнения, посредством которого кредитор, в пользу которого наложен арест на денежное требование его должника по денежному обязательству, обращает взыскание на то, что по указанному денежному требованию должника причитается ему от третьего лица [11, с. 2]. В связи с этим французская цивилистическая доктрина решала не вопрос, допустим ли судебный залог денежного требования? а какова правовая природа ареста денежного требования должника в порядке его присвоения кредитором? В рамках существовавших на тот момент классических правовых институтов наибольшее сходство было обнаружено с привилегией [4, с. 368]. Однако неполная идентичность конструкции отмечалась, в частности, Ph. Théry, который говорил о суперпривилегии [14, с. 11], имея в виду, что денежное требование, на которое наложен арест, не затрагивается никакими преимущественными правами последующих кредиторов должника, не зависит от других привилегий. Эта позиция поддерживалась R. Perrot, который совместно с Ph. Théry подчеркивал, что понятие привилегии использовалось не в строгом смысле, предусмотренном в ФГК, его применение означало, что кредитор находится в «выгодном положении» по сравнению с другими кредиторами, которые исключены из конкуренции с первым кредитором ввиду немедленного действия ареста [10, с. 392]. Можно заключить, что французский законодатель наделил судебный залог денежного требования свойствами современной модели договорного залога требования.

После реформы права обеспечения 2006 г. правовая конструкция залога денежного требования по ФГК, по сути, стала аналогичной правовой конструкции *saisie-attribution*, что позволяет говорить о возникновении современной модели залога требования для целей исполнительного производства раньше договорного. Между тем, французский законодатель предпочел сохранить ставший традиционным подход, оставив первый из них в сфере исполнительного права. В силу ст. 2355 ФГК судебный залог бестелесного движимого имущества регулируется положениями о гражданском исполни-

тельном производстве, в которых в плане терминологии в отношении требования в отличие от других видов бестелесного движимого имущества понятие залога (*nantissement*) не используется. Этот подход можно объяснить тем, что денежное требование предполагает возможность быстрого исполнения требования кредитора, в пользу которого наложен арест, поэтому в данном случае аспект исполнения обеспеченного требования превалирует над аспектом обеспечения.

На сегодняшний день специальные правила о судебном залоге требования перенесены из Закона от 09.07.1991 г. о реформе гражданских процедур исполнения во французский Кодекс гражданского исполнительного производства, который различает арест требования при принудительном исполнении судебного решения (далее — арест требования при принудительном исполнении судебного решения) и арест требования в качестве обеспечительной меры в отношении имущества должника (далее — арест требования в качестве обеспечительной меры).

В свою очередь, арест требования при исполнении судебного решения дифференцируется в зависимости от объекта требования. При аресте денежного требования (*saisie-attribution*) акт об аресте влечет автоматическое приобретение кредитором арестованного требования в размере, соответствующем обеспеченному обязательству согласно исполнительному листу, в связи с этим третье лицо (должник по арестованному требованию) становится самостоятельным должником перед кредитором в размере своего обязательства. В юридической доктрине указанное последствие характеризуется как «действие немедленного приобретения» (*effet attributif immédiat de la saisie attribution*) [16, с. 133]. Принципиальное значение имеет уведомление указанного третьего лица об аресте требования: после получения уведомления третьим лицом арестованное требование исключается из имущественной массы должника, в том числе в случае открытия в отношении него процедуры несостоятельности (банкротства), при этом уведомления, полученные третьим лицом в один день, считаются полученными одновременно (ст. L211-1–L211-5). Арест неденежного требования (*saisie des droits incorporels*) предполагает его продажу и распределение полученных средств между кредиторами, заявившими свои требования к должнику перед продажей требования (ст. L231-1–L233-1). В целях обеспечения интересов должника последнему предоставлено право оспорить арест требования при исполнении судебного решения (ст. L211-4–L211-5).

Арест требования в качестве обеспечительной меры (*saisie conservatoire des créances*) влечет установление должнику запрета на распоряжение арестованным требованием в размере, в соответствующем размеру требо-

вания кредитора (ст. L521-1). Арест денежного требования влечет предусмотренные в ст. 2350 ФГК последствия передачи денежных средств в депозит, то есть право кредитора получить выплату в преимущественном перед другими кредиторами порядке. При получении кредитором исполнительного листа арест требования в качестве обеспечительной меры автоматически превращается в арест требования при исполнении судебного решения (*conversion en saisie-attribution*) (ст. L523-1–L523-2).

Опыт французского права подтверждает, что как при так называемом ординарном залоге, так и при залоге в силу ареста имеется обязательство, подлежащее исполнению. Более того, во втором случае его наличие и обоснованность проверена судом и подтверждена судебным решением. Следовательно, можно заключить, что правовая природа указанных залогов не отличается, что позволяет опровергнуть утверждение Верховного Суда РФ о том, что «права залогодержателя, указанные в п. 5 ст. 334 ГК РФ, возникают в большей части из процессуальных правоотношений», а предусмотренные в ней меры «являются особым механизмом, направленным на фактическую реализацию» судебного решения, которое основано на упрощении рассматриваемых отношений поскольку в основе самих процессуальных правоотношений находятся отношения обязательственные, без последних первые, в принципе, не возникают. Кроме того, с позиции закона и доктринальных представлений сущность залога заключается в «выделении» из всего состава имущества должника известной индивидуальной определенной части, которая должна служить исключительным средством удовлетворения только данного требования, с устранением прочих кредиторов [12, с. 291]. «Главное — обеспечить (гарантировать) интересы кредитора» [6, с. 160]. Поэтому каких-либо оснований толковать оговорку п. 5 ст. 334 ГК РФ «иное вытекает...» в смысле ситуации несостоятельности должника нет, подходящий пример ее интерпретации предложен Б.М. Гонгало в виде ситуации, когда был наложен запрет на распоряжение имуществом, которое не могло быть предметом залога [6, с. 172].

Наконец, третья предпосылка обусловлена тем, что арест требования должника всегда затрагивает интересы других его кредиторов, что наиболее остро проявляется в ситуации несостоятельности (банкротства) должника. В связи с этим арест денежного требования при принудительном исполнении судебного решения с момента своего возникновения логично воспринимался французской доктриной как существенное отступление от основополагающего принципа, к которому как главному препятствию для залога в силу ареста апеллирует, в том числе и Верховный Суд РФ, равенства кредиторов должника (*égalité entre les créanciers*).

Между тем, опыт развития французского подхода к аресту денежного требования доказывает, что, если сравнивать договорный залог денежного требования и залог денежного требования в силу ареста (французского ареста денежного требования при принудительном исполнении судебного решения), то это не вопрос разных сущностей (как утверждает Верховный Суд РФ), а вопрос установления обоснованного балансирующего элемента, который устранил бы отрицательные последствия последнего из них. Можно констатировать, что в этом направлении французская юриспруденция прошла определенный путь в поисках способа нивелирования указанного отступления от принципа равенства кредиторов должника. До 2005 г. в качестве общего правила признавалось, что действие ареста денежного требования при исполнении судебного решения сохраняется и в случае открытия в отношении должника процедуры несостоятельности [17, с. 138]. Однако судебная практика в отсутствие специальных положений закона, руководствуясь соображениями справедливости, использовала в качестве основания признания ареста денежного требования при принудительном исполнении судебного решения недействительным его квалификацию в качестве признания долга в период наблюдения (*Arrêt de la Chambre commerciale de la Cour de Cassation, 10.12.2002: Bulletin des arrêts des chambres civiles (chambres civiles, commerciale et sociale) de la Cour de Cassation, IV, 2002 n° 191*). Но заметное несоответствие применяемого основания привело к постепенной выработке правила об осведомленности кредитора о фактической неплатежеспособности должника и закреплению в 2005 г. в ФТК следующих правил в отношении действия ареста требований в ситуации несостоятельности должника (*Loi de sauvegarde des entreprises n° 2005-845 du 26 juillet 2005*), которые, по словам F. Vinckel и L. Lauvergent, восстановили ту часть «равенства» кредиторов, которая была утрачена ввиду придания аресту денежного требования при принудительном исполнении судебного решения эффекта немедленного приобретения [16, с. 133; 8, с. 254].

Во-первых, не допускаются и признаются недействительными аресты требования в качестве обеспечительной меры, наложенные после даты фактической неплатежеспособности должника (*cessation de paiement*), которая устанавливается судом, а при отсутствии возможности ее установления совпадает с датой открытия судом процедуры несостоятельности (банкротства) (ст. L631-8, п. 8 ст. L632-1). Во-вторых, арест требования при исполнении судебного решения может быть признан недействительным при соблюдении двух условий: если он был осуществлен кредитором в период с даты фактической неплатежеспособности должника и кредитором было известно об указанной неплатежеспособности (ст. L632-2). Что касается установления осведомленности кредитора о фактической неплатежеспособности должника, то аналогичность этого условия условию не-

действительности платежей, осуществленных должником после даты фактической неплатежеспособности (предусмотрено первоначально в ст. 108 Закона от 25.01.1985 г., затем включено в ст. L621-108 ФТК, в настоящее время — ст. L632-2 ФТК), позволило выработанные судебной практикой подходы применять и к новому правилу: бремя доказывания осведомленности кредитора возлагается на органы, обеспечивающие процедуру несостоятельности должника, как лиц, представляющих интересы всех остальных кредиторов должника, при этом они не ограничены в средствах доказывания, поскольку вопрос осведомленности кредитора относится к вопросам факта. В доктрине высказывалось предложение о введении презумпции осведомленности кредиторов о фактической неплатежеспособности должника в отношении банков, которые имеют значительные возможности получить информацию о состоянии должника [2, с. 278], но поддержки оно не получило. В то же время видится логичным и обоснованным резко отрицательное отношение к закреплению указанной презумпции в качестве общего правила, объясняющееся тем, что сам по себе арест требования не предполагает необходимости осведомленности кредитора о неплатежеспособности должника, это просто способ быстрее и проще получить исполнение по обеспеченному обязательству.

Таким образом, изложенный подход французского права демонстрирует, что принцип равенства кредиторов должника не должен влечь автоматическое и безусловное лишение кредитора, требование которого подтверждено судебным решением, обеспечения в виде судебного залога требования, поскольку этот принцип начинает действовать с момента, когда имущества должника недостаточно для удовлетворения требований всех кредиторов. Последнее утверждение соответствует основной цели института несостоятельности (банкротства), которая, по словам Г.Ф. Шершеневича, заключается в необходимости «установить известный порядок возможно более равного и справедливого распределения имущества должника между всеми его кредиторами в ситуации, когда имущество должника внушает основательные опасения в его недостаточности для удовлетворения всех требований, как предъявленных, так и ожидаемых» [12, с. 87]. При этом удовлетворительное имущественное положение должника предполагается как кредитором с договорным залогом требования, так и кредитором с залогом требования в силу ареста одинаково, поэтому основания для признания прав первого и отказа в признании прав второго отсутствуют.

В сравнении с французским позитивным правом, прежде всего, установленная в п. 5 ст. 334 ГК РФ норма представляет собой не вполне корректный симбиоз двух различных самостоятельных институтов, каждый из которых призван решать проблему защиты интересов кредиторов должника применительно к различным

обстоятельствам: Паулианова иска, которому в ФГК посвящена ст. 1341-2, и возникающего на основании ареста имущества залога. Представляется, что об этом говорит и С.В. Сарбаш, комментируя развернувшуюся в доктрине дискуссию о судебном залоге: «Может быть, здесь просто пытаются обосновать разные модели», «когда речь идет об отчуждении той или иной вещи во вред другим кредиторам должника, встает вопрос об использовании Паулианова иска...и вполне можно было бы выстроить отношения через него» [1, с. 29]. В наиболее общей форме Паулианов иск представляет собой иск кредитора об оспаривании действий должника, нарушающих права кредитора, в результате которого указанный акт признается недействительным по отношению к данному кредитору, его положение восстанавливается, как если бы оспариваемого акта не существовало [15, с. 190]. Однако в большей части доктринальных исследований п. 5 ст. 344 ГК РФ такое разграничение не проводится. Именно поэтому в литературе при анализе указанной нормы встречаются такие характеристики, как «ненастоящий залог», «противоречивый институт» [7, с. 34]. В этом плане редакцию п. 5 ст. 334 ГК РФ можно назвать не столько «случайной», сколько недостаточно проработанной. Подход французского законодателя следует признать более удачным, поскольку теоретически неоправданное смешение способов защиты прав кредитора, в результате, лишает их преимуществ, которые присущи каждому из этих способов. Вместе с тем, возникшую перед отечественной судебной практикой первоочередную задачу по преодолению обозначенного недостатка указанной нормы применительно к залому в силу ареста можно считать решенной: несмотря на витиеватость формулировки, такой вид залога признан.

Более того, системное толкование п. 5 ст. 334 и п. 3 ст. 358.6 ГК РФ выявляет следующее следствие залога требования в силу ареста: поскольку наложение ареста на требование подразумевает возникновение оснований для обращения взыскания на него, следовательно, залогодержатель вправе получить исполнение по требованию, в отношении которого установлен арест, в пределах, необходимых для покрытия требований залогодержателя, обеспеченных залогом в силу ареста. Дальнейшее системное толкование п. 2 ст. 345 и п. 2, 3 ст. 358.6 ГК РФ позволяет ответить на вопрос о правовой судьбе полученного залогодержателем исполнения по требованию, в отношении которого наложен арест. В случае ареста денежного требования полученные денежные средства в силу п. 2 ст. 358.6 засчитываются кредитором (залогодержателем) в счет обеспеченного требования, в случае ареста неденежного требования полученные залогодержателем вещи на основании п. 2 ст. 345 признаются предметом залога, что предполагает применение общих положений о залоге вещей в части реализации предмета залога. Думается, что обоснованность предложенного подхода подтверждается опытом

французского права, в котором, по существу, аналогичная логика обозначена в более четкой конструкции ареста денежного требования при исполнении судебного решения, правовым последствием которого является немедленное приобретение кредитором (залогодержателем) указанного требования в размере, соответствующем обеспеченному обязательству согласно исполнительному листу (ст. L211-1–L211-5 Кодекса гражданского исполнительного производства).

В то же время следующая стоящая перед судами задача — гармонизация залога в силу ареста с принципом равенства кредиторов должника (залогодателя) в ситуации несостоятельности последнего — пока ими, по существу, отрицается. Однако успешный опыт французского права дает достаточное основание для сопоставления закрепленного в ст. L632-2 ФТК инструмента против необоснованного приоритета залога требования в силу ареста с институтом преференциальных сделок в российском праве. Применение к залому в силу ареста по аналогии закона п. 3 ст. 61.3 Закона о несостоятельности в части условий оспаривания преференциальных сделок в общем плане позволяет достичь описанного выше положительного результата, который заложен в решении французского законодателя в ст. L632-2 ФТК: 1) учет даты фактической неплатежеспособности залогодателя посредством установления шестимесячного срока, предшествующего дате принятия судом заявления о признании залогодателя банкротом; возложение бремени доказывания осведомленности залогодержателя о неплатежеспособности залогодателя на лицо, оспаривающее установление залога в силу ареста (в отношении сделок правовая позиция обозначена в п. 17 Обзора судебной практики по вопросам, связанным с участием уполномоченных органов в делах о банкротстве и применяемых в этих делах процедурах банкротства (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 20.12.2016)); 2) отсутствие презумпции об осведомленности залогодержателя, за исключением залогодержателей-заинтересованных лиц, об указанном состоянии залогодателя (п. 12–12.2 Постановления Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 г. № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»).

Что касается способа защиты, он зависит от вида правоприменительного акта об установлении ареста требования. В силу ст. 42, ч. 7 ст. 93 АПК РФ возможно обжалование определения суда о наложении ареста на требование. В отношении постановления судебного пристава-исполнителя целесообразным видится применение такого способа защиты, как неприменение судом акта государственного органа, противоречащего закону (абз. 13 ст. 12 ГК РФ). Во-первых, спор представляет собой разногласия кредиторов залогодателя об очередности удовлетворения их требований. Однако при предъ-

явлении заявления о признании акта государственного органа недействительным (абз. 5 ст. 12 ГК РФ) залогодержатель, будучи привлеченным к участию в деле в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований относительно предмета спора, ограничен в заявлении возражений.

Во-вторых, согласно разъяснениям Верховного суда РФ указанный способ защиты применяется судом при рассмотрении споров, связанных с защитой гражданских прав, вне зависимости от признания правового акта недействительным (п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»), следовательно, кредиторами залогодателя требование о неприменении постановления судебного пристава-исполнителя может быть заявлено в совокупности с требованием к должнику, а арбитражным управляющим — с заявлением о разногласиях между конкурсными кредиторами и арбитражным управляющим (п. 10 ст. 16 Закона о несостоятельности).

Резюмируя, на основе сравнительного анализа французского и российского права в части правового регулирования залога требования в силу ареста можно заключить, что применительно к российскому праву для обеспечения принципа равенства кредиторов залогодателя целесообразно использование заинтересованными лицами таких способов защиты, как обжалование определения суда о наложении ареста на требование либо при рассмотрении судом разногласий между конкурсными кредиторами и арбитражным управляющим неприменение судом постановления судебного пристава-исполнителя как акта государственного органа, противоречащего закону (абз. 13 ст. 12 ГК РФ). В части условий удовлетворения указанных требований по аналогии закона подлежат применению правила об оспаривании сделок должника, влекущих за собой оказание предпочтения одному из кредиторов перед другими кредиторами (п. 3 ст. 61.3 Закона о несостоятельности).

ЛИТЕРАТУРА

- Багаев В. Единственный доктор для закона — это судья [Интервью С.В. Сабаша] // Закон. 2017. № 4. С. 10. С. 6–19.
- Blanc G. Observations sous Arrêt de la Chambre commerciale de la Cour de Cassation, 21.03.2006. *Revue des procédures collectives*. 2006, n° 3, p. 278–279.
- Croce S. Présentation générale de la réforme des voies d'exécution par la loi du 9 juillet 1991 suivie de l'étude de saisie attribution // *Revue juridique de l'Ouest*, 1993-1, p. 29.
- Donnier M., Donner J.B. *Voies d'exécution et procédures de distribution*, 7e éd, 2003, 690 p.
- Егоров А.В. Залог в силу ареста: теоретические и практические проблемы. В России и за рубежом // *Вестник экономического правосудия Российской Федерации*. 2016. № 9. С. 84–103.
- Гонгало Б.М. Развитие кодификации законодательства о залоге: трансформация понятий // *Кодификация российского частного права 2019* / Под. ред. Д.А. Медведева; Исслед. центр частн. права им. С.С. Алексеева при Президенте РФ. М., 2019. С. 151–184.
- Крутий Е.А. Реализация судебно-злоговой теории в германском и российском праве // *Гражданское право*. 2019. № 3. С. 32–35.
- Lauvergent L. L'annulation de la saisie attribution pratiquée en période suspecte // *Droit et procédures*. 2007, p. 254.
- Мейер Д.И. *Русское гражданское право* (в 2-х ч. Часть 2). По исправленному и дополненному 8-му изд., 1902. М., 1997— 455 с.
- Perrot R., Théry Ph. *Procédures civiles d'exécution*, 2e éd. 2005, p. 1086.
- Putman E. Saisie attribution, Domaine, Condition // *Juris-Classeur*, 1994, fascicule 10, p. 2.
- Шершеневич Г.Ф. *Конкурсный процесс*. М., 2000. — 477 с.
- Струкгов В. *О залоге долговых требований* (издание 2-е, дополненное и переработанное). С.-Петербург, 1891. — 320 с.
- Théry Ph. Le notaire et les procédures civiles d'exécution // *Petites affiches*, 11 août 1997, n° 96 p. 9.
- Усачева К.А. Внеконкурсное оспаривание во французском праве: до и после реформы // *Закон*. 2017. № 12. С. 187–192.
- Vinckel F. Le nouveau régime de la période suspecte dans la loi n° 2005-845 du 26 juillet 2005 et le décret n° 2005-1677 du 28 décembre 2005: une réforme en trompe l'œil. *La semaine juridique* // *Entreprises et affaires*, n°3 du 19 janvier 2006, 1118, p. 133.
- Voinot D. *Droit économique des entreprises en difficulté*. 2007. — 376 p.
- Звоницкий А.С. *О залоге по русскому праву*. Киев, 1912. — 417 с.

© Хатмулина Римма Ринатовна (r.hatmulina@mail.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»